

Неуклюжий, неопрятный и бесконечно добрый

В Вербное воскресенье можно будет услышать редко исполняемые сочинения Брукнера

Анна Андрушкевич

16.04. Те Deum и Девятая симфония Брукнера в исполнении хора и симфонического оркестра Большого театра. Большой зал консерватории.

Нельзя не улыбнуться, взглянув на концертную программу этой недели: 16 апреля, через два дня после марининской постановки «Тристана и Изольды» в Большом театре, в консерватории можно услышать Девятую симфонию и Те Deum Брукнера. Вагнер и Брукнер познакомились как раз в канун премьеры «Тристана», которая должна была пройти в Мюнхене в мае 1865 года. Она, однако, откладывалась, и Брукнер вернулся в Линц, так и не услышав новой оперы (на премьеру пришлось приезжать еще раз), – тем не менее, он первый раз увидел своего кумира. Пройдет несколько

лет, и он помчится к Вагнеру в Байрейт, трепеща, покажет ему свои симфонии и услышит комплимент, который сделает его самым счастливым человеком на свете: Вагнер скажет, что из всех известных ему композиторов один только Брукнер сравним с Бетховеном.

Меж тем тот, кого он сравнил с Бетховеном, напоминал этого композитора не только в музыке: Брукнер, как и Бетховен, был неуклюжим, неопрятным и бесконечно добрым.

До сорока лет Антон Брукнер был почти неизвестен: вырос в маленькой австрийской деревушке, был воспитан при монастыре, косил траву, помогал священнику одеться к мессе, работал сельским учителем и пытался довести до ума малолетних неслухов. Тем не менее ему каким-то образом удалось стать блестящим органистом и уехать в Линц, а потом позаниматься композицией и контра-

Неуклюжий и неопрятный. – 2006. – 14 апр. – с. 23
пунктом и получить место преподавателя в Вене.

Многие его симфонии по долгу оставались в ящике стола, однако на склоне лет он узнал, что такое триумф, – мир вдруг понял его Четвертую, его Седьмую. Вот в 1885 году Вагнеровское общество впервые исполняет его Те Deum – оркестра нет, только два рояля и певцы. Но вот уже Те Deum звучит по всей Европе и даже в Америке, причем в Цинциннати его перед семитысячной аудиторией поет хор в 800 человек. Как раз брукнеровский масштаб!

Он мало придавал значения кишащим вокруг него интригам и редко терял душевное равновесие. Все же по крайней мере однажды это произошло: посватавшись к молодой девушке, композитор получил отказ. Его увезли в санаторий: бедный Брукнер считал листья на деревьях, птиц и небесные звезды. Он так никогда и не же-

нился, но очень трепетно относился к прекрасному полу. Однажды, по его словам, он заглянул слишком глубоко в глаза девушке – и написал Адажио Восьмой симфонии.

Брукнер цитирует его и в Девятой, которую он посвятил Господу Богу и которую так и не успел закончить. В больших событиях, происходящих в этой большой музыке, участвуют полчища медных и сонмы струнных. Восемь валторн ведут главную тему первой части, с ними заодно – четыре тубы, против них – скрипичные вихри. Но иногда кажется, что все эти вселенские силы нужны лишь для того, чтобы эффектно смолкнуть после долгой кульминации – и выпустить на волю волшебное пиццикато или терпкие смычковые мелодии.

Девятая симфония творилась несколько лет, и даже в последний свой день Брукнер пытался писать финал. Однако, по-

няв, что эта музыка вот-вот застынет на одном из лучших его Адажио, он попросил вместо последней части исполнять Те Deum. Этому совету не всегда следуют, потому что Адажио оказалось прекрасным завершением, но на концерте 16 апреля поступят именно так, как хотел Брукнер.

За пультом в этот вечер мы увидим Понтера Хербига. Немец по происхождению, он учился у Караяна, работал сначала в Германии (Дрезден, Берлин), затем в США, был директором оркестров Детройта и Торонто, а сейчас руководит оркестром Радио Сабрюкена. Говорят, что Хербиг большой мастер оркестрового баланса, что он строг по манере, но это не мешает ему быть задушественным лириком. Если все это правда, то в Вербное воскресенье мы, возможно, услышим самого настоящего Брукнера, серьезно, трепетно и бесконечно трогательного. ■